

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Тенихина Анастасия Сергеевна,

SPIN-код: 2589-5540

кандидат педагогических наук, проректор по воспитательной работе и молодежной политике, старший преподаватель кафедры общей психологии и конфликтологии, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург, umkprn@uspu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семейное воспитание; семейные ценности; семейные отношения; духовно-нравственное воспитание; школьники; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; тема семьи; художественные тексты; педагогическая интерпретация; нравственная рефлексия; формирование личности; личность школьника

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию педагогического потенциала русской классической литературы в формировании семейных ценностей у обучающихся в рамках среднего общего образования. Цель работы заключается в выявлении механизмов ценностного воздействия литературных текстов и обосновании их значимости для духовно-нравственного воспитания современной молодежи. Методологическую основу составляют аксиологический, культурно-исторический и герменевтический подходы, а также положения личностно ориентированного образования, разработанные отечественными педагогами. Материалом исследования выступили произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, репрезентирующие различные модели семейных отношений и ценностных конфликтов. Систематизация аксиологических доминант семьи в русской литературе XIX в. представлена в качестве педагогического инструмента формирования ценностного сознания и в обосновании интерпретационного анализа литературного текста в качестве средства развития нравственной рефлексии обучающихся. Теоретический вклад заключается в уточнении представлений о воспитательном потенциале русской классики как аксиологического медиатора между культурной традицией и личностным опытом обучающегося, способствующего становлению его ценностно-смысловой сферы и формированию устойчивых нравственных ориентиров в контексте семейных отношений.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тенихина, А. С. Репрезентация семейных ценностей в русской литературе как педагогический ресурс формирования личности обучающихся / А. С. Тенихина // Педагогическое образование в России. – 2026. – № 3. – С. 86–91.

REPRESENTATION OF FAMILY VALUES IN RUSSIAN LITERATURE AS A PEDAGOGICAL RESOURCE FOR THE FORMATION OF STUDENTS' PERSONALITY

Tenikhina Anastasia Sergeevna,

Candidate of Pedagogy, Vice-Rector for Educational Work and Youth Policy, Senior Lecturer of Department of General Psychology and Conflictology, Ural State Pedagogical University, Russian Federation, Ekaterinburg

KEYWORDS: family education; family values; family relationships; spiritual and moral education; schoolchildren; Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary genres; literary plots; the theme of the family; literary texts; pedagogical interpretation; moral reflection; personality development; the personality of a schoolchild

ABSTRACT. The article examines the pedagogical potential of Russian classical literature in forming family values among students. The purpose of the work is to identify the mechanisms of value influence of literary texts and to substantiate their significance for the spiritual and moral education of modern youth. The methodological foundation comprises axiological, cultural-historical, and hermeneutic approaches, as well as the principles of personality-oriented education developed by Russian educators. The research material consisted of works by L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, and I. S. Turgenev, representing various models of family relations and value conflicts. The scientific novelty of the study lies in the systematization of axiological dominants of the family in 19th century Russian literature as a pedagogical tool for forming value consciousness and in substantiating the interpretive analysis of literary texts as a means of developing moral reflection in students. The theoretical contribution consists in clarifying the understanding of the educational potential of Russian classics as an axiological mediator between cultural tradition and the personal experience of the student, facilitating the formation of their value-semantic sphere and the establishment of stable moral guidelines in the context of family relations.

FOR CITATION: Tenikhina, A. S. (2026). Representation of Family Values in Russian Literature as a Pedagogical Resource for the Formation of Students' Personality. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 3, pp. 86–91.

Введение

Проблема формирования ценностных ориентиров личности в образовательном пространстве приобретает особое значение в контексте современных социокультурных

трансформаций. К. Д. Ушинский утверждал: «воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным, то есть должно основываться на народных началах» [13, с. 160]. Данный тезис указывает на необходимость обращения к худо-

жественным текстам как источнику нравственного опыта и ценностных ориентиров.

Семья как фундаментальная категория социальной и педагогической реальности выступает объектом внимания отечественных ученых: Б. Т. Лихачев подчеркивал, что духовно-нравственное воспитание связано прежде всего с приобщением личности к базовым человеческим ценностям, среди которых особое место занимает ответственность перед близкими [8]. Е. В. Бондаревская утверждала, что для формирования личности, способной к «ценностному самоопределению в культуре» [2, с. 28], необходимо создавать соответствующие условия. Это, в свою очередь, трансформирует образование в личностно ориентированную среду, способствующую развитию и становлению индивида.

Русская литература является культурным феноменом, обладающим уникальным педагогическим потенциалом, обусловленным ее аксиологической направленностью. М. М. Бахтин определял художественный текст как пространство диалога, в котором осуществляется встреча читателя с «чужим» сознанием, что создает условия для нравственной рефлексии [1]. Герменевтическая традиция, представленная работами Г.-Г. Гадамера, указывает на понимание текста как процесс смыслопорождения, в котором читатель не просто извлекает готовые смыслы, но активно конструирует их на основе собственного жизненного опыта [4].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных воспитательному потенциалу литературы, проблема педагогической интерпретации семейных ценностей в произведениях русской классики остается недостаточно систематизированной с точки зрения выявления специфических механизмов ценностного воздействия на личность обучающегося. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Цель статьи – теоретически обосновать педагогический потенциал художественной репрезентации семьи в русской классической литературе как механизма формирования ценностного сознания обучающихся.

Гипотеза исследования: интерпретационный анализ произведений русской классики способствует формированию устойчивых ценностных установок у обучающихся, поскольку переводит нравственные категории из абстрактной сферы в пространство личностного переживания, создавая условия для эмпатического проживания моделей семейных отношений, основанных на идеях соборности, всеобщей ответственности и духовной преемственности.

Методологические основания исследования

Аксиологический подход позволяет рассматривать образование как процесс освоения системы культурных значений. По мнению российского ученого В. А. Сластенина, семейные ценности выступают ядром содержания воспитания, определяя направленность личностного развития [10]. Культурно-исторический подход Л. С. Выготского задает понимание литературы как формы коллективной памяти, фиксирующей культурные представления эпохи [3]. Русская классика выступает носителем национального культурного кода, определяющего специфику понимания семьи как духовной общности.

Герменевтический подход акцентирует значимость понимания как процесса порождения смысла в диалоге между читателем и текстом, в результате которого происходит трансформация ценностных ориентаций [4]. И. А. Зимняя отмечала, что личностное развитие обучающегося невозможно без включения механизмов смыслообразования [6].

Не менее важной, на наш взгляд, для понимания механизмов культурной трансляции ценностей является категория прецедентности. Прецедентное имя выступает конденсатором культурной информации, активизируя у адресата комплекс устойчивых ассоциаций и оценок, что обеспечивает воспроизводство социально значимых стереотипов и ценностных установок.

В педагогическом контексте художественные образы классической литературы выступают культурными маркерами, через которые обучающиеся усваивают представления о семье, ответственности и нравственном выборе. Так, всеми известные литературные персонажи – Левин, Анна Каренина, старец Зосима, Базаров – выступают культурными маркерами, через которые обучающиеся усваивают представления о семье, ответственности и нравственном выборе.

Совокупность обозначенных методологических оснований позволяет рассматривать русскую классическую литературу как педагогический ресурс формирования нравственного сознания, реализующий свой потенциал через механизмы эмпатического сопереживания, нравственной рефлексии и ценностного самоопределения в рамках национальной культурной традиции.

Русская классическая литература как пространство ценностного моделирования семьи

Русская литература XIX в. заложила прочную традицию, согласно которой семья играет значимую роль, выступает нрав-

ственным идеалом и является основанием человеческого существования. Для демонстрации правдоподобной картины семейного сценария, где ключевыми выступают идеи ответственности, духовной близости, преемственности поколений, писатели XIX в. использовали различные художественные приемы.

Показателен исходный тезис романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [11, с. 7]. Эта мысль задает красной нитью шлейф всего произведения, противопоставляя две модели семейного бытия: гармоничный союз, основанный на взаимном уважении, общности ценностей и духовном росте Константина Левина и Кити Щербацкой автор противопоставляет разрушительному союзу Анны Карениной и Вронского.

Показательна сцена, когда Левин, осознавая рождение сына, переживает внутреннюю трансформацию, воспринимая себя звеном в цепи поколений: «Он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он» [11, с. 405]. Л. Н. Толстой показывает, что семья становится пространством, в котором человек обретает целостность и постигает нравственную ответственность.

В противовес этой линии выстраивается история Анны Карениной, где стремление к личному счастью вступает в конфликт с моральными и общественными нормами. Сцена ее смерти, переданная с предельной внутренней точностью, символизируется образом гаснущей свечи: «И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла» [11, с. 644]. Метафора свечи как символа жизни, прочитанной книги, пройденного пути создает художественное обобщение судьбы героини, где разрушение семьи оказывается равнозначно утрате смысла существования.

Педагогический потенциал произведения способствует развитию нравственной рефлексии обучающихся. Разбор мотивов поступков героев помогает перейти от эмоционального восприятия к этической оценке. Через противопоставление линий Левина и Анны автор раскрывает цену морального выбора и ответственность перед близкими. На примере духовного прозрения Левина писатель показывает, что семья становится основой внутреннего роста личности. Анализ подобных эпизодов в образовательной практике способствует осмыслению ответственности как фундамента челове-

ских отношений. Такое сопоставление позволяет увидеть, что Л. Н. Толстой не выносит дидактических суждений, но логика повествования подводит читателя к пониманию последствий нравственного выбора. В этом и заключается воспитательная сила романа, обращенная к современности, — счастье возможно лишь в единстве личного и нравственного начал.

Не менее значим образ семьи в романе «Братья Карамазовы», где Ф. М. Достоевский актуализирует проблему родительской ответственности через образ дисфункциональной семьи. Семейство Карамазовых представляет собой модель нравственного распада: отец выступает символом духовной деградации. С педагогической точки зрения принципиально важно, что автор демонстрирует последствия духовной несостоятельности родителя. Фигура Федора Павловича воплощает разрушение воспитательной функции семьи, что делает произведение значимым материалом для обсуждения роли семьи в становлении личности. Конфликт между братьями является свидетельством кризиса патриархальной структуры. Каждый из сыновей несет на себе печать отцовского нравственного падения: Дмитрий — импульсивность и необузданность страстей, Иван — рациональный нигилизм, отрицающий моральные основания бытия, Алеша — попытку преодолеть семейное проклятие через обращение к духовности.

Особое воспитательное значение имеет фигура старца Зосимы, который выстраивает альтернативную модель духовного родства, основанную не на кровной близости, но на общности нравственных устремлений. Его мысль «каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно» [5] расширяет понятие семейной ответственности до масштабов всечеловеческого братства. Его отношения с учениками строятся по принципу духовного родства, расширяя традиционное понимание семьи до уровня духовного сообщества и формируя у читателя установку на эмпатию. Концепция сорборности выступает ключевой с точки зрения понимания русской модели семьи, она противопоставляет западноевропейскому индивидуализму, утверждая приоритет общего блага над личным интересом. При этом Ф. М. Достоевский избегает абстрактного морализаторства, воплощая эту идею в живых образах.

Важным в педагогическом отношении является диалог Алеши с мальчиками у камня. В завершении романа Алеша обращается к детям с призывом сохранить память о Илюше Снегиреве: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее

какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома» [5]. Данный эпизод переводит тему семьи в измерение памяти и преемственности, указывая на семью как на источник ценностных ориентиров, сохраняющихся на протяжении всей жизни.

Обсуждение романа с обучающимися позволяет поставить вопросы: какую роль играет семья в становлении личности? Можно ли преодолеть деструктивное семейное наследие? Как соотносятся кровное и духовное родство? Подобная проблематизация способствует развитию понимания семьи не как данности, но как нравственной задачи, требующей сознательных усилий.

В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» конфликт поколений репрезентируется через противопоставление нигилистического мировоззрения Базарова и традиционных ценностей родителей. При этом И. С. Тургенев избегает однозначной идеологической позиции, представляя обе стороны конфликта с глубоким психологическим пониманием. Трагизм положения родителей Базарова заключается в том, что их безусловная любовь не находит отклика у сына.

Старик Базаров говорит сыну: «Мы, люди старого века, мы полагаем, что без принсипов, принятых, как ты говоришь, на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя» [12, с. 47]. Эта позиция выражает потребность в ценностных основаниях жизни, которые отвергает Базаров-младший. Конфликт разворачивается не просто как столкновение идей, но как драма непонимания между поколениями, где за идеологическими разногласиями скрывается глубокая человеческая потребность в близости.

Показательна сцена смерти главного героя, когда перед лицом небытия рушится нигилистический пафос отрицания. Умиравший Базаров обращается к Одинцовой: «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» [12, с. 182]. Эта метафора похожа на ту, что мы видим в романе «Анна Каренина» в образе погасшей свечи, но у И. С. Тургенева акцент смещен на признание родительской любви как последней ценности: «Таких людей, как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать» [12, с. 183]. Данное признание, прозвучавшее в момент смерти, обнажает истинную иерархию ценностей, где семейная любовь оказывается выше идеологических конструкций.

Педагогический потенциал романа реализуется в возможности обсуждения с обучающимися трагедии разрыва межпоколенческой связи, роман способствует развитию эмоционального интеллекта читателя и формированию у него уважительного от-

ношения к старшему поколению.

Таким образом, можно сказать, что русская классика формирует представление о семье как о пространстве нравственного испытания личности и духовной преемственности. Сравнительный анализ позволяет выделить несколько устойчивых аксиологических доминант в отношении универсальных моделей семейных ценностей, усвоение которых происходит у обучающихся опосредованно, через эмоциональное сопереживание героям:

Семья как пространство нравственной ответственности. У Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского устойчивость семьи связана со способностью героев принимать решения, ориентированные на благо близких.

Соборность и всеобщая ответственность. Концепция Зосимы о «всеобщей вине» расширяет понятие семейной ответственности до масштабов всечеловеческого братства.

Духовная преемственность поколений. У И. С. Тургенева трагедия Базарова – в разрыве с родительской традицией. Память о родительском доме становится источником нравственных ориентиров.

Семья как фактор нравственного взросления. Левин обретает зрелость через принятие семейной ответственности.

Кризис патриархальности. Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев демонстрируют разрушение патриархальной семьи и поиск альтернативных моделей духовного родства.

Говоря о методических возможностях использования художественных текстов, стоит отметить, что эффективность воспитательного воздействия литературы возрастает при соблюдении ряда педагогических условий:

Организация проблемного обсуждения через вопросы открытого типа: в чем проявляется ответственность Левина перед семьей? Можно ли оправдать решение Анны Карениной? Прав ли старец Зосима, утверждая всеобщую ответственность?

Сопоставление моделей семейных отношений: семья Левина и судьба Анны; семейство Карамазовых и духовная община Зосимы; родители Базарова и их сын.

Стимулирование личностной рефлексии через соотнесение с собственным опытом: «Можете ли вы, прочитав “Отцы и дети”, по-новому взглянуть на позицию старшего поколения?».

Заключение

Русская классическая литература обладает значительным педагогическим потенциалом в формировании семейных ценностей у обучающихся, реализуя функции аксиологического моделирования, нравствен-

ной рефлексии и культурной трансляции. Произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева предлагают многообразие художественных репрезентаций семьи, центрированных вокруг идей ответственности, соборности и духовной преемственности.

Русская классика формирует уникальную модель семьи, отличающуюся от западноевропейской акцентом на всеобщей ответственности, приоритете общего блага над личным интересом и понимании семьи как части более широкой духовной общности.

Таким образом, педагогическая интерпретация художественного текста выходит за пределы сугубо литературоведческого анализа и становится пространством ценностного самоопределения обучающихся.

Через проблематизацию сюжетных ситуаций, сопоставление различных моделей семейных отношений и организацию содержательного диалога формируются условия для осмысленного нравственного выбора, развития эмпатии и ответственности. Обращение к русской классической литературе в контексте трансформации социальных институтов позволяет актуализировать устойчивые культурные смыслы, раскрыть линию семейных отношений, показать их историческую и духовную глубину. Включение данных текстов в образовательный процесс способствует укреплению ценностных ориентиров личности, что подтверждает их значимость как педагогического ресурса формирования семейных ценностей в современной школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : авторский сборник / М. М. Бахтин ; Текст подготовили Г. С. Бернштейн, Л. В. Дерюгина. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с. – EDN VQMUFP.
2. Бондаревская, Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования / Е. В. Бондаревская. – Ростов-на-Дону : Булат, 2000. – 351 с. – ISBN 5-86340-090-0.
3. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – 3-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 573 с.
4. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 264 с. – ISBN 5-01-001035-6.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 14–15. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1976.
6. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по пед. и психол. направлениям и специальностям / И. А. Зимняя. – Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – Москва : Логос, 2005. – EDN QXLRJ.
7. Караковский, В. А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности – основа целостного учебно-воспитательного процесса / В. А. Караковский. – Москва : Новая школа, 1993. – 80 с.
8. Лихачев, Б. Т. Педагогика : курс лекций / Б. Т. Лихачев. – Москва : Прометей, 1998. – 464 с.
9. Макаренко, А. С. Книга для родителей / А. С. Макаренко. – Москва : Педагогика, 1983. – 320 с.
10. Сластенин, В. А. Педагогика : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – Москва : Академия, 2013. – 576 с.
11. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – Москва : Наука, 1970. – 917 с.
12. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 7. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – Москва : Наука, 1981. – 559 с.
13. Ушинский, К. Д. О народности в общественном воспитании / К. Д. Ушинский // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 2: Педагогические статьи 1857–1861 гг. – Москва : Издательство АПН РСФСР, 1948. – С. 69–166.
14. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2002. – 437 с.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publishing House, 424 p. EDN VQMUFP.
2. Bondarevskaya, E. V. (2000). *Teoriya i praktika lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya = Theory and practice of personality-centered education*. Rostov-on-Do: Bulat Publishing House, 351 p. ISBN 5-86340-090-0.
3. Vygotsky, L. S. (1986). *Psikhologiya iskusstva = Psychology of art*. 3rd edition. Moscow: Iskusstvo Publishing House, 573 p.
4. Gadamer, G.-G. (1988). *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki = Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics*. Moscow: Progress Publishing House, 264 p. ISBN 5-01-001035-6.
5. Dostoyevsky, F. M. (1976). *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. T. 14–15. Brat'ya Karamazovy = Complete works, in 30 vols. Vols. 14–15. The Brothers Karamazov*. Leningrad: Nauka Publishing House.
6. Zimnyaya, I. A. (2005). *Pedagogicheskaya psikhologiya = Pedagogical psychology*. 2nd edition. Moscow: Logos Publishing House. EDN QXLRJ.
7. Karakovsky, V. A. (1993). *Stat' chelovekom. Obshchechelovecheskie tsennosti – osnova tselostnogo uchebno-vospitatel'nogo protsessa = Becoming human. Universal human values – the foundation of a holistic educational process*. Moscow: Novaya shkola Publishing House, 80 p.
8. Likhachev, B. T. (1998). *Pedagogika = Pedagogy*. Moscow: Prometey Publishing House, 464 p.
9. Makarenko, A. S. (1983). *Kniga dlya roditel'ey = A book for parents*. Moscow: Pedagogika Publishing House, 320 p.

10. Slastenin, V. A., Isaev, I. F., Shiyanov, E. N. (2013). *Pedagogika*= Pedagogy. Moscow: Akademiya Publishing House, 576 p.
11. Tolstoy, L. N. (1970). *Anna Karenina* = Anna Karenina. Moscow: Nauka Publishing House, 917 p.
12. Turgenev, I. S. (1981). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. T. 7. Ottsy i deti* = Complete works and letters, in 30 vols. Vol. 7. Fathers and Sons. Moscow: Nauka Publishing House, 559 p.
13. Ushinsky, K. D. (1948). *O narodnosti v obshchestvennom vospitanii* = About nationality in public education. *Collected works, in 11 vols. (vol. 2: Pedagogical articles 1857–1861)*, 69–166. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the RSFSR.
14. halizev, V. E. (2002). *Teoriya literatury* = Theory of literature. 3rd edition. Moscow: Vysshaya shkola Publishing House, 437 p.